

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО СТИЛЯ УТИЖЕВА-ПОЭТА

Л. Б. Хавжокова

Статья посвящена изучению поэтического наследия – одной из многочисленных граней творчества кабардинского поэта, писателя, драматурга, ученого-лингвиста Бориса Кунеевича Утижева. Актуальность исследования продиктована, с одной стороны, недостаточной разработанностью некоторых жанров (сонет, баллада, стихотворения в прозе) в адыгской (кабардинской) литературе, с другой – необходимостью восполнения существующего пробела в изучении поэтического наследия Б. Утижева. Научная новизна исследования заключается в том, что поэзия указанного автора впервые стала предметом отдельного комплексного изучения в диалектике формы и содержания. В центре исследовательского внимания – лирические стихи и сонеты поэта. Отдельное внимание уделяется новаторскому жанру стихотворений в прозе, выявляется специфика их идейно-тематической и структурно-композиционной организации. Детализированному анализу подвергается единственная баллада «Песнь», дается жанровая характеристика, выявляется степень соответствия произведения заявленному автором жанру. В целом, в статье рассмотрена тематика и проблематика, эстетика и поэтика лирических и лиро-эпических произведений: выявлены основные мотивы, изучен богатый поэтический язык, представлена характеристика индивидуально-авторского стиля Утижева. Определен вклад поэта в эволюцию национальной поэзии. В работе использован ряд научных методов, в числе главных – анализ, описание, а также герменевтический метод. Полученные результаты могут стать подспорьем при изучении истории адыгских (адыгейской, кабардинской, черкесской, черкесского зарубежья) литератур, в более общем плане – литературы народов Северного Кавказа и Российской Федерации, а также при составлении спецкурсов и написании квалификационных и другого рода исследовательских работ.

Ключевые слова: Борис Утижев, индивидуально-авторский стиль, поэзия, стихи, сонет, баллада, жанр, мотив, поэтика.

История адыгской (адыгейской, кабардинской, черкесской, черкесского зарубежья) литературы насчитывает относительно небольшой срок становления и эволюции. Как известно, основы профессиональной литературы были заложены лишь после Октябрьской революции – в 20-30-е гг. XX в. Начиная с этой эпохи национальная литература прошла несколько стадий в своем развитии. На сегодняшний день ученые-литературоведы условно выделяют следующие периоды: 1) 20-30-е гг.

XX в.; 2) 1941-1945 гг. – военное время; 3) 1945-1956 гг. – послевоенное время; 4) 1960-1980-е гг. – эпоха «оттепели»; 5) 90-е гг. – постсоветский период (или «новое время»); 6) с 2000-х гг. – новейший период. Самой плодотворной из указанных эпох стал период «оттепели», когда в литературу влился мощный поток творческой силы, в лице таких ярких и выдающихся личностей, как З. Тхагазитов, Ю. Чуюко, Х. Бештоков, М. Бемурзов, А. Ханфенов, К. Дугужев, М. Нахушев, А. Налоев, Е. Ма-

мий, Н. Кук, Э. Мальбахов, А. Оразев, Б. Кагермазов, Р. Ацканов и многие другие. В этом ряду достойное место занимает Борис Кунеевич Утижев – кабардинский поэт, писатель, драматург, ученый-лингвист, публицист, мастер чеканки и резьбы по дереву... Грани таланта поэта можно перечислять бесконечно. Кроме всего прочего, он рисовал, писал юморески, дружеские шаржи.

Б. Утижев работал практически во всех жанрах литературы. Он впервые ввел в национальную литературу новаторский жанр стихотворения в прозе, удачно освоив его каноны. В произведениях «Прекрасная картина» («Сурэт дахашэ»), «Гнездо на солнце» («Дыгъэм клэрыщыхъа абгъуэ»), «Прекрасная вера» («Флэшхъуныгъэ дахэ»), «Далекая мечта» («Хъуэпсаплэ жыжьэ») представлены философские размышления о жизни, любви, взаимоотношениях людей. Как верно замечено исследователем творчества поэта Х.И. Баковым, «они как бы вырываются из оков формы стихотворения и дают автору возможность вести беседу с читателем на темы, которые еще ни от кого не получили ответов на вопросы: Что такое любовь? Что такое жизнь? Добро и зло? и т. д.» [1, 20].

Что касается архитектоники стихотворений в прозе, то нередки случаи перехода в рамках одного произведения от стихотворной речи к прозаической и наоборот. Подобное «жонглирование» формами речи в кабардинской поэзии – явление новое, непривычное. Тем не менее, такая форма организации художественного текста была перенята многими авторами и удачно использована в их творчестве.

В поэзии Б. Утижевым освоены многие традиционные лирические

и лиро-эпические жанры и жанровые формы, в числе которых – стихи, элегия, сонет, баллада, стихи в прозе и т. д. Кроме того, поэт писал в собственно-авторских жанровых формах, обозначенных им емкими и оригинальными терминами *хъуаскIэхэр* (букв. – «искры») и *гушIагъыцIэлъхэр* (по версии Бакова – «мысли, лежащие под сердцем» [1, 45], «находящиеся под сердцем» [1, 331]; можно также перевести как «из глубины сердца», «в глубинах сердца», но есть художественный перевод – «сокровенности», передающий в полной мере содержательную специфику произведений, обозначенных этим термином). Остановимся на так называемых стихах-искрах (*хъуаскIэхэр*).

Цикл четверостиший, объединенных под заголовком «Искры» («ХъуаскIэхэр»), опубликован в первом сборнике «Моя Даханаго» («Си Дахэнагъуэ», 1987). Произведения, вошедшие в него, представляют собой лаконичные, меткие поэтические композиции, написанные в жанре стихов-стрел, в котором работали и продолжают работать многие известные адыгские поэты – А. Кешоков, М. Бемурзов, И. Машбаш и др. Лейтмотивом этих четверостиший является философское осмысление жизни и смерти, смысла человеческого существования, что проходит сквозной линией через все поэтическое творчество Б. Утижева. В одном из них поэт пишет:

*Зеплъыхъри щылъщ сабий махуищ
мыхъуар,
Илъагъу дунейр зищIысыр
къыхуэмьыцIэу.
Гупсысэу йоплъ дуней жы дьдэ хъуар
И куэщIым къралъхъа уицIэ нагъыцэм
[2, 52].*

Осматривает все вокруг трехдневный
 младенец,
 Не понимая мир, открывшийся его
 взору.
 В раздумьях смотрит дряхлый мир
 На вопросительный знак, оказавшийся
 в его объятиях.
 (Подстрочный перевод. – Л. Х.)

В некоторых стихах-искрах прослеживается свойственная всему творчеству Утижева юмористическая тональность. В аллегорической форме поэтом воссозданы пороки человеческих характеров и имплицитно противопоставлены образы лживого, хитрого человека и человека слова, чести и совести. В частности, поэт пишет:

*Къыжжолэ щыIэу куэдрэ щезгъэлей...
 Пэж хъуниц. СыIэсэкъым. Сът
 сьбгъэщIэнур?..
 Уэ бажэу гъэ мин бжыгъэ тет дунейм.
 Зы гъащIэ къэзгъэпсэу сэ сыаслъэну*
 [2, 52].

Говоришь мне, что я часто перехожу
 границы...
 Возможно – правда. Я не покладист.
 Что же тут поделаешь?..
 Ты проживи сотню лет, будучи лисой.
 Мне же позволь прожить одну жизнь,
 будучи львом.
 (Подстрочный перевод. – Л. Х.)

Поэтические произведения Утижева часто базируются на дихотомиях «положительное – отрицательное», «белое – черное», «правда – ложь». На последнем из них построена идея многих стихов и сонетов поэта. Лирический герой его поэзии всегда пребывает в состоянии поиска правды, которая часто ассоциируется с жизнью и смыслом жизни. При этом правда представлена в разных цветах, формах и облициях.

В одноименном стихотворении правда, содержащая в себе конец жизни, т. е. смерть, показана как физический объект, имеющий отrostки, она «серого цвета, холодная» (*пэж гъуабжэщ, щIыIэщ*), «пустая» (*пэж нэщIытсщ*) и противопоставлена «красивой лжи», выступающей в произведении олицетворением жизни, т. е. жизнь – есть красивая ложь. В последних строках поэт пишет:

*КхъыIэ, щIы дахэ къысхуэупс,
 Къысхуэмыупсэ щIыкIэ пэж
 СхуэзыгъэтIыгъуэр щIы щIагъ пэи*
 [2, 14].

Прошу, говори мне прекрасную ложь
 (т. е. обмани меня красиво),
 Пока меня не настигла правда,
 Припасшая для меня комнату
 в подземелье.
 (Подстрочный перевод. – Л. Х.)

В данном фрагменте следует заметить игру близко звучащих, но разных по семантике слов *къысхуэупс* (т. е. *щIы къысхуэупс* – солги мне) и *къысхуэмыупсэ* (отрицательная форма от *хуэупсэн* – одарить / одаривать). Они занимают позиции, образующие рифменную акромнограмму, свойственную поэтике произведений адыгского фольклора.

Поэтический язык Утижева насыщен интересными и труднопроизносимыми аллитеративными конструкциями типа «*Жъгъыжъгъыжу жъгъей жъгъырухэр къолгъэлгъэх*» [2, 46], «*ДекIэрэхъулэри дрихъэллауэ / ЗэрылI-зэпекъум дызэдыхэтищ*» [3, 122], «*ДызэрыгущIу гъащIэр идохъэкI, / А гъащIэм и клэщIагъыр дымьщIэжу*» [3, 152] и т. д. Здесь мы не приводим переводов иллюстраций, поскольку в данном случае имеем

целью продемонстрировать особенности звуковой организации, т. е. благозвучие поэтических произведений и художественное мастерство поэта.

Поэзия Утижева насыщена авторскими лексемами-неологизмами, представляющими собой конструкторы его идиостиля. Как правило, они трудно поддаются, или практически не поддаются переводу: «*телъыджалъэ*» [3, 183] – букв. вместилище чуда (если одним термином – «чудовместилище»); «*лъыццэжыкхъэшхуэ*» [3, 122] – *лъыццэж* («кровная мечь») + *кхъэ* («кладбище»), + суффикс *шхуэ* («большой»), т. е. букв. «большое кладбище-место кровной мести» или *лъы* («кровь») – *ццэжын* («истекать») + *кхъэ* («кладбище»), + суффикс *шхуэ* («большой»), т. е. «большое кладбище, наполненное (или пропитанное) кровью»; «*ццлагъэццлафэ*» [3, 138] – данное слово, понятие настолько сугубо авторское, что вне утижевского контекста представляется невозможным установить его семантику. Приведем контекст:

Зыццэхъуэпс дыдэм лъэлэсыфауэ
Дунейм зы цыыхуи къытемыхъуа,
Зэрагугъауэ къыццэкълыжауэ
Зы ццлагъэццлафи цамылъэгъуа
 [3, 138].

В мире нет людей,
 Достигнувших всех целей,
 Нет ни единого дела (деятельности),
 Которое было бы оправдано в полной мере.
 (Подстрочный перевод. – Л. Х.)

Судя по контексту, *ццлагъэццлафэ* – есть «дело», «деятельность».

Мотивы поэзии Утижева традиционны. Стихи и сонеты поэта насыщены национальной символикой, патриоти-

ческими мотивами, лирическими и философскими медитациями. Последние явнее всего прослеживаются в сонетах.

В целом, сонетное творчество Утижева требует отдельного исследования. Определяя его вклад в развитие этого трудного жанра, следует отметить, что, он является одним из немногих национальных художников слова, создавших собственный сонетарий. Несмотря на попытки освоить сложные каноны сонета, адыгские поэты ограничились созданием одного-двух произведений в этом жанре. И только некоторыми из них (Х. Беретарь, Ад. Шогенцуков, Б. Утижев и Р. Ацканов) создано собственное сонетное творчество.

В книгу «Ветви» («Къудамэхэр», 2005) Б. Утижева включен сонетарий, состоящий из 65 сонетов. По указанию автора, они написаны в 1998-2003 гг. Иначе говоря, поэт освоил жанр сонета сравнительно недавно. Как верно отметил Х.И. Баков, «когда Б. Утижев приступил к освоению данного сложного жанра (сонета. – Л. Х.), он уже был зрелым поэтом, известным драматургом, обладавшим высоким мастерством» [4, 122].

Уникальность сонетного творчества Б. Утижева заключается в том, что он стал первым кабардинским поэтом, вкрапившим в свои сонеты исторические и социальные мотивы. В сонете «Маленькие люди еще больше мельчают...» («Цыыху цыкълур шохъур нэхъри нэхъ цыкълуж...») поэт затронул проблему социального неравенства и духовного обнищания в современном мире, в котором с каждым днем все больше и больше усиливается процесс обесценивания таких понятий как «человечность», «совесть», «мужество», «честь». В первом катрене поэт обозна-

чил тему сонета, как требуют того канонны жанра:

*Цыху цыклар цохъур нэхъри нэхъ
цыклуб
Дунейкътэжым шхъэщыхъа мы
гъащлэм.
«Сылл нэужьклэ – удз къремыкыж!»
Жызылэхэм дунейр зыкзыщыхъэ ящыр
[3, 127].*

Маленькие люди еще больше мельчают
В этой жизни, приблизившейся

к апокалипсису.
«После меня – хоть трава не расти!» го-
ворящие
Переворачивают этот мир вверх дном.
(Подстрочный перевод. – Л. Х.)

Далее затронутая тема развивается до глубоких философских размышлений и в заключительном дистихе автор приходит к мысли: «Нэхъуейм икла дунейм ирегъэзагъэ / И хабзи-бзыпхъи кьэунэхуа хъагъэм». – «В распутном мире устанавливает / Свои правила возникающая **бесчеловечность** (букв. «собачество»)» [3, 127].

На социальных и социально-политических мотивах также построены сонеты «Те, кто ничего из себя не представляют, но тянутся ко всему...» («Зыми имыщысу псоми дэфыщлейхэм...»), «Тот, кого ты называешь господином, называет тебя рабом» («Пщы» зыфлэпщым «пщылл» кьыпфлещыр...») и др.

Следует согласиться с мнением Бакова о том, что «Борис Утижев приблизил сонет к басне тем, что ввел в него элементы сатиры» [4, 124]. Сатирические мотивы, как и исторические, социальные и социально-политические, в кабардино-черкесском сонете являются новаторскими. При этом в некоторых случаях в рамках одного сонета обнаруживаются сочетания разных мотивов

(любовного, философского, сатирического и т. д.). Например, в сонете «Мир – наполненный несносностями...» («Дунейр – бэмплэгъуэклэ гъэнщлауэ...») поэт настолько обеспокоен состоянием современного общества, что описание процесса его деградации наделяется им сатирической тональностью, используемой не по прямому назначению – ради смеха, высмеивания, а символизирующей безысходность и трагикомичность всего наблюдаемого вокруг. Во втором и третьем катренах он пишет:

*Дахагъэм Щыгур кьихъумэным
Ущыгугъыныр цхъэгъэпцлэжыц...
Зэгуэр номиным дыхуэклуэну
Жиламэ Дарвин, – ар нэхъ пэжт.*

*А пэжыр мис-тлэ: цыхур цылыгэм
И теппэу Тхъэшхуэм кьигъэщлат,
Арицхъэклэ хотто-хъэщхъэвылгъэ
Лъэпкыгъуэм яуфэбгъу: «Vivat!...»
[3, 131].*

На то, что красота спасет мир,
Бесполезно надеяться...
Сказав, что когда-нибудь превратимся
в обезьян,
Дарвин оказался бы прав.

А правда эта вот в чем: человек
Сотворен богом царем земли,
Но порода *хотто-оборотней*
Захватывает ее
(землю. – Л. Х.): «Vivat!...»
(Подстрочный перевод. – Л. Х.)

Элементы сатиры и юмора также прослеживаются в сонетах «Если хочешь прожить жизнь легко...» («Ухуеймэ гъащлэр тыншу епхъэкыну...»), «Иза слов твоего недоброжелателя...» («Уи жагъуэгъум кьыпхуипсэлхэм...»), «Месяц май отвернулся...» («Накыгъэ мазэм зызэпигъазэщ...»), «Эх, эта Ста-

выражениям. Приведем один катрен из сонета «Сердце не в силах найти никакой надежды...» («Гум гугъаплэ лъэпкъ къыхуэгуэтыжкъым...»):

*Цыху насытыр наплэзыплэрыбжэщ,
Къытхуэлыду – клуэдыж гъуэбжэгъуэщ,
Гъащлэр – щымыла ямыгъуэтыжхэм
Щепцыхъыжу шыгъушыпсыплэ жэщ...
[3, 140]*

Счастье человеческое мгновенно.
Вспыхивает и исчезает в один миг.
Жизнь – это трудная ночь, в которую
Снятся те, кого не было и не могут
найти.
(Подстрочный перевод. – Л. Х.)

Данный отрывок настолько национально маркирован, что трудно поддается переводу, как дословному, так и художественному. Часть *шыгъушыпсыплэ жэщ*, переведенная нами как «трудная ночь», имеет более глубокий философский подтекст, доступный только носителям кабардино-черкесского языка. Слово *шыгъушыпс* имеет два значения – 1. раствор соли, 2. пересоленная пища [5, 766]. А *шыгъушыпсыплэ* в буквальном смысле переводится как «соленая постель», и в составе устойчивого сочетания – фразеологизма *шыгъушыпсыплэм хэлъын* употребляется в значении «сильно беспокоиться о ком-л., переживать за кого-л.» [5, 766].

Таким образом, сонетарий Утижева представляет собой уникальное явление в национальной литературе. Значимость его сонетного творчества определяется не только трудностью жанра, но и индивидуальным подходом поэта к его разработке.

Утижев был одним из первых кабардинских авторов, писавших в жанре баллады. Баллада «Песнь», созданная

им в 1975 г. и опубликованная в 1987 г. в первом сборнике поэта «Моя Дханаго», стала заметным явлением в кабардинской литературе по двум причинам: во-первых, это один из первых опытов освоения жанра в национальной поэзии; во-вторых, этот опыт оказался настолько удачным, что по структурно-композиционным и содержательным признакам и свойствам произведение в полной мере отвечало главным требованиям жанра.

Как известно, одним из первичных признаков баллады является песенное (музыкальное) начало. В балладе Утижева, начиная от названия и заканчивая последней строкой, песня играет значимую роль, выступая символом бесконечности. В конце произведения светлая душа поэта – основоположника и классика кабардинской литературы Али Шогецукова – превращается в песню и не только покидает тело, но и вырывается из рук смерти и пускается в свободный полет. Эта картина борьбы света (в образе души поэта) и тьмы (в лице смерти) в заключительной части произведения описана с глубоким драматизмом.

Драматическая, а во многих случаях – трагическая концовка также является одним из условий создания баллады. Но, как правило, подобный драматизм или трагизм не вызывают негативных эмоций, а наполнены чувством гордости за тот или иной поступок героя, светлой грустью по поводу его мужественной и благородной кончины, достойного ухода из жизни. Как нам представляется и как прослеживается в рассматриваемом произведении, Утижев справился и с этим требованием жанра. В заключительной строфе его баллады читаем:

*Псэхэх губжъауэ гуццэгъунишэр
Цыху лэм хуелэбыхащ.
Псэр зэуэ хъуиц уэрэд уахътынши,
Абы лэццэлъэтащ [2, 25].*

Разгневанная жестокая смерть
Потянулась к умирающему.
Душа вмиг превратилась
в бессмертную песню,
[И] выпорхнула из ее рук.
(Подстрочный перевод. – Л. Х.)

Тем самым автор подчеркивает нетленность души великих личностей и бессмертие их талантливых творений, а в философском преломлении утверждается победа добра над злом, света над тьмой, правды над ложью и т. д. По мнению Х. И. Бакова – исследователя творчества Б. Утижева, – это «прекрасный финал: жизнь А. Шогенцукова продолжает его песня, жизнь переходит в песню, а не в забвение» [1, 86].

Интересно отметить, что собственное балладе «песенное начало» в произведении Утижева реализуется не на формальном (структурно-композиционном), а на содержательном уровне. Иначе говоря, поэтический нарратив не подчиняется музыкальному строю (в нем нет напевов, припевов-рефренов, характерных для композиции песни), а констатируется непосредственная связь сюжета с песней, точнее – мифологизированной моделью песни, олицетворенной в образе души. Таким образом, формальный признак удачно трансформирован автором в содержательный и даже вынесен на передний план – в название произведения. Такой подход к ре-

ализации указанного признака жанра был собственно авторским и стал новаторским в кабардинской литературе. Впоследствии утижевский метод был удачно использован другими национальными авторами, в частности – в балладе «Вор и певец-импровизатор» А. Бицуева [6, 88].

В числе наиболее важных свойств жанра баллады – сюжетность и конфликт. Как верно замечено И. А. Кажаровой, первый из них носит устойчивый характер в творчестве современных кабардинских и черкесских авторов [6, 88]. В анализируемом произведении обнаруживаются оба признака. Иначе говоря, по содержательной специфике (как и по формальным признакам) «Песнь» Б. Утижева соответствует требованиям жанра: в сюжете произведения присутствует «случай, из ряда вон выходящий» [7, 105], признанный характерным для баллады.

В целом, заслуга Утижева в эволюции адыгской поэзии заключается в том, что поэт ввел новаторские мотивы и создал образцы высокопрофессиональных произведений, написанных в различных жанрах.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что поэтическое наследие Бориса Утижева на сегодняшний день представляет собой малоисследованное художественное пространство, огромный художественный мир, в котором представлены оригинальные новаторские жанры, уникальные способы организации поэтики произведений и национально маркированный богатый язык настоящего мастера художественного слова.

1. Баков Х. И. Борис Утижев: поэт, писатель, драматург. Нальчик, 2010.
2. Утижев Б. К. Моя Даханаго: Стихи и поэма [на каб.-черк. яз.: Си Дахэнагъуэ]. Нальчик, 1987.
3. Утижев Б. К. Ветви: Новеллы, притчи, стихотворения, сонеты, стихотворения в прозе, максимы, пьесы. [на каб.-черк. яз.: Къудамэхэр]. Нальчик, 2005..
4. Баков Х. И. Особенности адыгского сонета // История адыгской (кабардино-черкесской) литературы. Нальчик, 2017. Т. 3. С. 91-135.
5. Словарь кабардино-черкесского языка (СКЧЯ): Около 31000 слов. 1-е изд. / Под ред. П. М. Багова. М., 1999.
6. Кажарова И. А. Особенности жанра баллады в современной кабардино-черкесской литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (22). Ч. 2. С. 87-90.
7. Давыдова Т. Т., Пронин В. А. Теория литературы: Учебное пособие. М., 2003.

Khavzhokova, Lyudmila B. – Institute for Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of RAS (Nalchik, Russia); lyudmila-havzhokova. 86@mail. ru

SOME FEATURES OF UTIZHEV'S POETIC INDIVIDUAL AUTHOR'S STYLE.

Keywords: Boris Utizhev, individual author's style, poetry, poems, sonnet, ballad, genre, motive, poetics.

The article is devoted to the study of the poetic heritage of Boris Kuneevich Utizhev, that is one of the many facets of the work of the Kabardian poet, writer, playwright, scientist-linguist. The relevance of the study is dictated, on the one hand, by the insufficient development of some genres (sonnets, ballads, prose poems) in the Adyghe (Kabardian) literature, on the other hand, by the need to fill the existing gap in the study of B. Utizhev's poetic heritage. The scientific novelty of the research lies in the fact that the poetry of this author for the first time became the subject of a separate comprehensive study in the dialectic of form and content. The focus of research is the poet's poems and sonnets. Special attention is paid to the innovative genre of prose poems, the specificity of their ideological-thematic and structural-compositional organization is revealed. The only ballad «Song» is subjected to a detailed analysis, a genre characteristic is given, the degree of conformity of the work to the genre declared by the author is revealed. In general, the article examines the topics and problems, aesthetics and poetics of lyric and lyric-epic works: the main motives are revealed, the rich poetic language is studied, the characteristic of Utizhev's individual author style is presented. The contribution of the poet to the evolution of national poetry is determined. A number of scientific methods were used in the work, among the main ones – analysis, description, as well as comparative-historical and hermeneutic methods. The results obtained can be helpful in studying the history of the Adyghe (Adyghean, Kabardian, Circassian, Circassian abroad) literatures, more generally – the literature of the peoples of the North Caucasus and the Russian Federation, as well as in the preparation of special courses and writing qualification and other types of research work.

REFERENCES

1. Bakov, Kh. I. *Boris Utizhev: poet, pisatel', dramaturg* [Boris Utizhev: poet, writer, playwright]. Nalchik, Kabardian-Balkarian Institute for Humanitarian Research, 2010. 344 p.
2. Utizhev, B. K. *Moya Dakhanago: Stikhi i poema* [My Dahanago: Poetry and poem]. Nalchik, El»brus, 1987. 108 p.
3. Utizhev, B. K. *Vetvi: Novelly, pritchi, stihotvoreniya, sonety, stihotvoreniya v proze, maksimy, p»esy*. [Branches: Novels, parables, poems, sonnets, prose poems, maxims, plays]. Nalchik, El»brus, 2005. 400 p.
4. Bakov, Kh. I. *Osobennosti adygskogo soneta* [Features of the Adyghe sonnet]. *Istoriya adygskoi (kabardino-cherkesskoi) literatury* [History of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature]. Nalchik, Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 goda, 2017, vol. 3, pp. 91-135.
5. Bagov, P. M. (ed.). *Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka: Okolo 31000 slov* [Dictionary of the Kabardino-Circassian language: About 31,000 words. 1st ed.]. Moscow, Digora, 1999. 852 p.
6. Kazharova, I. A. *Osobennosti zhanra ballady v sovremennoi kabardino-cherkesskoi literatury* [Features of the ballad genre in modern Kabardino-Circassian literature]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2013, no. 4 (22), part 2, pp. 87-90.
7. Davydova, T. T., Pronin, V. A. *Teoriya literatury: Uchebnoe posobie* [Literature theory: Textbook]. Moscow, Logos, 2003. 232 p.